

Джэвон скривился, выплёскивая через нос обжигающий виски под хохот Сиён.

— А ты, кажется, искренне удивлён, — отметила подруга.

— Это правда? — спросил господин Ли, утираясь платком.

— Думаю, да. По крайней мере, встреченный мной мужчина походил на него. Забавно, что, увидев его, я первым делом подумала о Тхэджуне; впрочем, у него и правда выразительная внешность, — добавила та. В тот же миг улыбка сошла с её лица, и женщина с пристальным подозрением посмотрела на друга детства. — Отчего же такая реакция? Тебе известно то, чего не знаю я?

— Это полная бессмыслица. Ты же знаешь, что Тхэджун сейчас в отпуске? Обычно он выезжает на охоту за бизоном или тренируется на стрельбище, а вот обедать в «Сохвадане» — это уж вряд ли... — заговорил Джэвон и тут же замолк в озарении.

«Постой-ка, «Сохвадан»? Это ведь любимый ресторан женщины Тхэджуна, той самой женщины, которую он искал, которая мертва, которая Чин Хеён, но не Чин Хеён... Здорово, что Тхэджун нашёл её, ведь он был готов пойти на всё, пока не достигнет желаемого, и всё же посещать с ней общественные места — слишком рискованно...» — пустились мысли в пляс.

Семья Со предпочитала не вмешиваться в личную жизнь наследника, однако предстоящая свадьба — совсем другое дело. У родных не возникло бы никаких вопросов при условии, что Тхэджун согласен на заключение брака.

В случае же с браком по расчёту этические нормы отходили на второй план. Не имело значения, сколько у господина Со любовниц и как часто он посещает бордели, если его похождения остаются вне досягаемости взора общественности.

Госпожа Го, мать Сиён, напротив, прославилась буйным характером и строгим контролем как над деловой стороной жизни, так и над личной. Что же касается самой Сиён, вопреки внешней живости, она сохраняла хладнокровие. Многие из того, чем интересовались сверстницы, включая любовные отношения, эта бизнесвумен обделяла вниманием.

Причиной бурной реакции Джэвона стал трепет перед председателем Со, дедом Со Тхэджуна. Что бы члены семьи Со ни затевали, сведения об их делах обязательно доходили до старого тигра. Со Джонхо был готов закрыть глаза на всё, чем занимаются его дети и внуки, но только не на подрыв запланированного супружеского союза. Старик не пощадил бы никого, кто посмеет нарушить его планы.

Самый страшный кошмар воплощался в реальность. Джэвон одним махом опустошил бокал. Его охватывал тихий ужас.

На обратном пути Юри погрузилась в раздумья. Она посетила место смерти Хеён ради возвращения воспоминаний, но потерпела провал.

«Почему же это случилось именно там?» — про себя задавала Юри вопрос.

Если художница верно припоминала, на том месте располагался старый склад. Чем больше она об этом думала, в тем большее недоумение погружалась. Множество вопросов так и не получили ответы.

«Почему я вообще была вместе с Хеён?» — не понимала Юри. Женщина попробовала очистить разум, сфокусироваться, собрать воедино кусочки имеющейся информации, но, как выяснилось, легче сказать, чем сделать.

Юри в растерянности нахмурилась, чем привлекла к себе внимание Тхэджуна.

— Вам нездоровится? — обеспокоился бизнесмен.

— Нет, я в порядке, волноваться не о чем, — возразила художница.

В салоне автомобиля вновь воцарилась тишина. Продолжая размышления, Юри поймала себя на мысли, что перенесла погружение в воду без тяжёлых последствий. Она была восприимчива к холоду: даже от нескольких минут, проведённых под морозящим дождём, художница на несколько дней сваливалась с заложенным носом и жаром, не говоря уже о «купании» в ледяной воде. Юри с полной уверенностью готовилась подхватить простуду, но, к её удивлению, болезнь так и не нагрянула. Возможно, так на неё повлияли сон в тёплых мужских объятиях и сытная трапеза.

Когда машина уже подъезжала к дому, у Тхэджуна возник вопрос.

— Так какие у вас дальнейшие планы? — нарушил бизнесмен тишину.

— Планы? О чём вы? — не поняла Юри.

— Планы после того, как вы вернёте память. Если ваша догадка об убийстве Чин Хеён верна, что вы будете делать дальше? Сообщите в полицию? Придётся потрудиться, ведь расследование свернули годы назад.

— Я знаю, что будет трудно. Никто не станет так просто поднимать давно закрытое дело, основываясь на одних только воспоминаниях и не имея вещественных доказательств.

Полиция не пойдёт Юри навстречу, тем более, если подозреваемый — Ли Инбэ, и она это осознавала. Новые откровения наверняка обрекут художницу на ещё большие муки, ведь её, как единственного свидетеля, могут и саму обвинить в убийстве, но с этим Юри ничего бы не смогла поделать. Она не располагала никакими уликами, даже самыми незначительными, а потому никто бы не внял её словам.

Юри в безмолвии раздумывала об этом сценарии.

— Вы собираетесь вернуть воспоминания, совершенно не представляя, что будете делать дальше? — любопытствовал Тхэджун, пристукнув пальцами по рулю.

— Вы не понимаете и никогда не поймёте. Вам неведомо, насколько больно быть неспособным вспомнить нечто столь важное. Та, кто была мне дорога, умерла на моих глазах. Мне не следовало об этом забывать.

Юри тревожил не только сам факт смерти Хеён, но и вопросы о том, кто и зачем её убил. Юри желала найти ответы, чтобы суметь защитить себя. Она не знала, в безопасности ли находится, как не знала и о том, действительно ли перелёт в Штаты помог начать новую жизнь. Сейчас Юри следовало докопаться до правды ради собственной безопасности, какой бы извращённой она ни оказалась.

Тхэджун задумчиво уложил локоть на край автомобильного окна.

Юри боролась с усталостью. Художнице хотелось вернуться домой, предаться длительному отдыху и, конечно же, принять препараты, которыми она пренебрегала последние несколько дней. В антидепрессанте крайней необходимости не виделось, а вот остальные средства по возвращении стоило бы употребить.

Пара отделилась от оживлённого городского центра и въехала в тихий район, застроенный частными домами. Разместив автомобиль на парковке, Тхэджун заглушил двигатель.

Юри спешно расстегнула ремень безопасности и уже собралась выйти, но дверь оказалась заблокирована.